

Китай мечтает. Вступление

Кен Лю

В этой антологии собраны китайские фантастические рассказы, которые я перевел за несколько лет. Некоторые из них получили награды в Соединенных Штатах, другие попали в различные антологии «Лучшее за год», третьи были тепло встречены критиками и читателями, а четвертые — просто мои любимые.

Китайская научная фантастика — «живая» и разнообразная, но ее мало переводят, и поэтому читателям, которые не владеют китайским, сложно ее оценить. Надеюсь, что данная антология позволит англоязычному читателю познакомиться с китайской фантастикой.

Выражение «Китай мечтает» — переделанная фраза председателя КНР Си Цзиньпина* «Китайская мечта», лозунга, посвященного развитию Китая. Научная фантастика — это литература о мечтах, которая всегда говорит что-то и о мечтателе, и о том, кто интерпретирует мечты, и об аудитории.

---

* Все китайские имена в данной антологии приводятся в соответствии с китайской традицией — сначала фамилия, затем имя.

Когда речь заходит о китайской фантастике, англоязычные читатели спрашивают: «Чем китайская фантастика отличается от той, которая написана на английском?»

Обычно я разочаровываю их — говорю, что этот вопрос расплывчатый... и на него нельзя ответить в двух словах. Любая классификация культуры в целом — особенно такой быстро изменяющейся, как китайская, — включает в себя все сложности и противоречия данной культуры. Попытка дать четкий ответ приводит только к расплывчатым обобщениям, почти не имеющим ценности, или подтверждает существующие стереотипы и предрассудки.

Прежде всего, я не считаю, что «научная фантастика, написанная на английском», — это полезная категория для сравнения (произведения, написанные в Сингапуре, Великобритании и США, сильно отличаются друг от друга, и даже внутри этих географических границ литература делится и по другим признакам). Поэтому я даже не знаю, с чем нужно сравнивать «китайскую фантастику».

Более того, представьте, что вы попросили сотню американских авторов охарактеризовать «американскую фантастику», — вы получите сотню разных ответов. То же самое верно для китайских писателей, критиков и для китайской фантастики в целом.

Даже в ограниченной подборке, включенной в данную антологию, вы найдете «научно-фантастический реализм» Чэнь Цюфаня, «фантастику-кашу» Ся Цзя, неприкрытые, саркастичные метафоры Ма Бойона, сюрреалистичные образы и логику метафор Тан Фэй, концентрированный, богатый язык Чен Цзинбо, социологические фантазии Хао Цзинфан и масштабную, хардкорную фантастику Лю Цысиня. Это должно навести на мысли о том, какую большую нишу занимает китайская фантастика. Когда сталкиваешься с таким разнообразием, гораздо интереснее из-

учать авторов по отдельности и оценивать их работы сами по себе, отбросив в сторону все ожидания.

В общем, я вот что хочу сказать: если кто-то называет четкие характеристики «китайской фантастики», то он либо: а) непрофессионал, который не знает, о чем говорит; б) действительно что-то знает, но сознательно игнорирует сложность данной темы и выдает свою точку зрения за факт.

Поэтому я сразу заявляю о том, что не считаю себя экспертом по китайской фантастике. Я знаю достаточно, чтобы понять, что знаю очень мало. Моих знаний достаточно, чтобы понять: я должен больше, гораздо больше, изучать ее. И я знаю достаточно, чтобы понимать — простых ответов тут нет*.

Китай переживает крупномасштабную социальную, культурную и технологическую трансформацию, в которой участвуют более миллиарда людей, относящихся к разным национальностям, классам и политическим течениям, и никто — даже те, кто находится в самом центре событий, — не может утверждать, что видит всю картину в целом. Если знания человека о Китае ограничены сообщениями запад-

---

* На самом деле существует довольно активное сообщество ученых, изучающих китайскую фантастику, и входящие в него ученые — такие, как Минвэй Сон, Натаниэль Айзексон и другие, публикуют интересные и познавательные аналитические статьи, посвященные данному жанру. На конференциях, посвященных сравнительному литературоведению и Азии, часто проходят «круглые столы», на которых обсуждают китайскую фантастику. Однако у меня сложилось впечатление, что многие читатели фантастики, писатели и критики (или даже их большинство?) не знакомы с данными работами. А вот авторы научных статей обычно избегают ошибок, о которых я говорю, и проводят тщательный анализ произведений. Читателям, которых интересует обоснованная точка зрения, я рекомендую ознакомиться именно с научными статьями.

ных СМИ или опытом туриста, или экспатрианта, то он «понимает Китай» не больше, чем человек, увидевший пушистое пятно через соломинку, знает, что такое леопард. Литература, опубликованная в Китае, отражает комплексные условия среды, в которой она создана.

В свете напряженных отношений Китая с Западом, западные читатели, столкнувшиеся с китайской фантастикой, естественно, смотрят на нее через призму надежд и фантазий Запада, связанных с китайской политикой. В таких условиях термин «подрывная деятельность» становится «костылем», помогающим интерпретировать тексты. Например, может возникнуть сильное искушение рассматривать «Молчаливый город» Ма Бойона как осуждение китайского аппарата цензуры, или считать «Год крысы» Чэнь Цюфаня только критикой китайской системы образования и рынка рабочей силы, и даже свести «Парад призраков» Ся Цзя к замаскированной метафоре, описывающей принудительное отчуждение собственности ради нужд страны.

Я призываю читателей не поддаваться этому искушению. Представлять, что китайских писателей волнуют те же политические проблемы, что и западных читателей, в лучшем случае высокомерно, а в худшем — опасно. Китайские писатели говорят о нашем мире, обо всем человечестве, а не только о Китае, и мне кажется, что гораздо полезнее рассматривать их работы именно с этой точки зрения.

Да, действительно, в Китае давно существует традиция выражать недовольство с помощью литературных метафор, однако критика существующего положения вещей — всего лишь одна из целей, которую преследуют авторы. Китайские писатели, как и все остальные, озабочены проблемами гуманизма, глобализации, технологического прогресса; их тревожит конфликт между традициями и современным стилем жизни; их беспокоят проблемы окружа-

ющей среды, истории, прав человека, свободы и справедливости; их волнуют семья и любовь, красота чувства, выраженного без слов, и восторг, связанный с открытиями; они размышляют о смысле жизни. Забывая обо всем этом и фокусируясь только на геополитике, мы оказываем их произведениям медвежью услугу.

Несмотря на разнообразие подходов, тем и стилей, авторы и произведения, собранные в этой антологии, являются лишь небольшим фрагментом современного ландшафта китайской фантастики. Хотя я пытался представить разные точки зрения, мне прекрасно известно, что моя выборка ограничена. Большинство авторов, собранных здесь (за исключением Лю Цысиня), принадлежат к молодому поколению «восходящих звезд», а не к поколению уже известных фигур — таких, как Лю Цысинь, Хань Сун или Ван Цзинькан. Большинство из них учились в элитных университетах Китая и выбрали крайне уважаемые профессии. Более того, я сосредоточил свое внимание в основном на авторах и произведениях, которые стали обладателями каких-либо наград, чем на популярных работах, опубликованных в Сети, и выбирал те работы, которые будут более доступными в переводах, — работы, для понимания которых не требуются познания о китайской культуре и истории. Подобная пристрастность необходима, однако не является идеальным методом решения проблемы, и поэтому читатель должен с осторожностью делать выводы о том, насколько «представительными» являются данные произведения. Я искренне надеюсь на то, что каждое произведение из данного сборника, по крайней мере, позволит читателям лучше познакомиться с литературной традицией, отличающейся от той, к которой они привыкли.

Чтобы сделать коллекцию более законченной и дать более полный обзор китайской фантастики, я включил в сбор-

ник три эссе, написанных китайскими писателями и учеными. Эссе Лю Цысиня «Худшая из всех возможных вселенных и лучшая из всех возможных Земель» дает исторический обзор данного жанра в Китае и объясняет то, как Лю Цысиню удалось стать одним из самых известных китайских писателей-фантастов. «Расколотое поколение» Чэнь Цюфаня представляет точку зрения молодого поколения авторов, которые пытаются свыкнуться с бурной трансформацией общества, происходящей у них на глазах. Наконец, третье эссе «Что делает китайскую фантастику китайской?» написано Ся Цзя, которая защитила диссертацию, посвященную китайской научной фантастике. Оно — стартовая точка для тех, кто хочет проанализировать данный жанр с научной точки зрения.

* * *

Известный переводчик Уильям Уивер сравнил перевод с выступлением артиста на сцене. Мне нравится эта метафора. Занимаясь переводами, я участвую в культурном и лингвистическом перформансе, пытаюсь воссоздать артефакт в новой среде. При этом я испытываю восхитительное ощущение и одновременно осознаю свою ничтожность.

Для меня огромная честь поработать с авторами, включенными в данную антологию. Во многих случаях то, что начиналось как профессиональное сотрудничество, превращалось в дружбу. Благодаря им я много узнал — и не только о переводах, но и о создании литературных произведений, и о жизни вне границ разных культур. Я благодарен этим авторам за то, что они доверили мне свои произведения.

Надеюсь, что результат вам понравится.

ЧЭНЬ ЦЮФАНЬ

Писатель, сценарист и колумнист, подрабатывающий в отделе маркетинга компании «Байду», китайского интернет-гиганта. Чэнь Цюфань (он же Стэнли Чан) публиковал свои работы в таких изданиях, как Science Fiction World, Esquire, Chutzpah! и ZUI Found. Лю Цысинь, самый известный китайский писатель-фантаст, похвалил дебютный роман Чэня «Мусорный прибой», назвав его «лучшим НФ-произведением о ближайшем будущем». Чэнь получил большое число литературных наград, в том числе тайваньскую Dragon Fantasy Award, а также китайские награды «Иньхэ» («Галактика») и «Туманность» («Синьюнь»). Переводы его произведений на английский язык опубликованы в таких изданиях, как Clarkesworld, Lightspeed, Interzone и The Magazine of Fantasy & Science Fiction. В 2012 году его произведение «Лицзянские рыбы» получило награду Science Fiction and Fantasy Translation, а «Год крысы» Лэрд Баррон выбрал для антологии The Year's Best Weird Fiction: Volume One.

Три произведения, которые вошли в данный сборник, — «Год Крысы», «Лицзянские рыбы» и «Цветок Шацзуй», демонстрируют уникальную эстетику Чэня, его стремление смешать глобальный посткиберпанк с традициями и историческим наследием Китая. Чэнь — циничный, исполненный надежды, игривый и нравоучительный — запечатле-

вает дух времени и культуру Китая, которая претерпевает период потрясений и трансформации. Чтобы узнать о том, как этот аспект китайской жизни отражен в фантастике, прочтите эссе Чэня «Расколотое поколение», которое приведено в конце данной книги.

Чэнь родился в г. Шаньтоу (провинция Гуандун) и закончил Пекинский университет, одно из элитных учебных заведений Китая. Чэнь говорит на диалекте Шаньтоу, а также на кантонском, китайском и английском. Он, литератор-виртуоз, написал несколько рассказов на классическом китайском — это приблизительно то же самое, как если бы современный англоязычный автор сочинил рассказ, используя язык Чосера. Чэнь также пишет на кантонском диалекте и на современном стандартном китайском. Лингвистические различия и языковое разнообразие, характерное для его родины, создают фон и служат мощным символом в его романе «Мусорный прибор*», который я перевожу на английский. Действие рассказа «Цветок Шацзуй» тоже происходит в мире «Мусорного прибора».

---

* Роман вышел на русском языке в 2019 году.

ГОД КРЫСЫ

Снова темнеет. Мы уже два дня торчим в этой адской дыре, но не видели ни одной крысиной шерстинки.

Мои носки похожи на засаленные кухонные полотенца. Они так меня раздражают, что хочется кому-нибудь врезать. Живот сводит от голода, но я заставляю себя идти вперед. Мокрые листья, словно ладони, с силой бьют меня по лицу. Это больно.

Я хочу вынуть из рюкзака учебник биологии, вернуть его Стручку и сказать: «В этой дурацкой книге восемьсот семьдесят две страницы». Еще я хочу отдать Стручку его очки, хотя они не тяжелые, совсем не тяжелые.

Стручок погиб.

Инструктор по физподготовке сказал, что страховая компания заплатит его родителям. Сколько именно, он не сказал.

Родители Стручка наверняка будут рады получить то, что напомнит им о нем. Поэтому я достал из его кармана очки, а из его водонепроницаемого рюкзака — эту проклятую книгу. Может, благодаря этим вещам родители Стручка не забудут, что их сын — в отличие от всех нас — был хорошим учеником.